

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

Реквием
Салверги

МОСКВА
2 0 1 6

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

Зорина, Надежда.

3-86 Реквием Сальери / Надежда и Николай Зорины. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Игры чужого разума. Остросюжетные романы Н. и Н. Зориных).

ISBN 978-5-699-89923-4

Нейробиолог Альберт Мартиросян, изучавший возможности головного мозга, пытался доказать, что они безграничны. Он изобрел препарат, под воздействием которого человек в состоянии клинической смерти продолжал мыслить — и не просто мыслить, а делать поистине гениальные открытия. Но для этого нужен медиум, способный его открытия зафиксировать... Правда, у препарата имелся «побочный эффект» — и медиум, и сам гений были обречены на смерть. Выяснив это, Альберт хотел прекратить исследования, но ему помешал напарник, одержимый синдромом Сальери и решивший воспользоваться открытием друга в своих целях... Альберт лишь успел попросить помощи у частного детектива Полины Лавровой, которая не понаслышке знала, что такое клиническая смерть. Она — единственный медиум, которому удалось выжить, сохранив приобретенный дар...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зорина Н., Зорин Н., 2016
© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89923-4

Часть 1

Глава 1

То утро, когда погибла Инга, было необыкновенно солнечным. Я проснулся, как обычно, через час после ее ухода. Встал, распахнул окно — свет хлынул в комнату, ослепил. И потому, когда постучали, чтобы сообщить о смерти Инги, я долго не мог найти дверь, дезориентированный в пространстве.

Привычка гулять в одиночестве по утрам появилась у нее с самого начала, как только мы приехали на этот горнолыжный курорт. Я не возражал, не предчувствуя беды. Мне казалось, что здесь-то ничего плохого с нами произойти не может. Не знаю, откуда у меня была такая уверенность, ведь я понимал, что опасность преследовала нас по пятам.

Вот и в то утро, когда постучали, а я, ослепленный солнцем, не мог найти дверь, никаких дурных предчувствий не было. Меня рассмешила моя слепота, моя неуклюжая беспомощность. Служащий

гостиницы, которого я наконец впустил, долго не мог начать разговор — беззаботная счастливая улыбка на моем лице совершенно сбивала его с толку. Казалось, он вдруг сам усомнился в той новости, что мне принес.

— Ваша жена... — начал он и замолчал.

Солнце било в глаза, глаза заслезились. Сквозь эту солнечно-слезную муть я смотрел на утреннего гостя и продолжал улыбаться.

— По словам очевидцев, — предпринял он новую попытку, сменив тон на более официальный, — ваша жена...

Но и официальный тон не помог, вновь повисло молчание. Я предложил служащему кофе, но он покачал головой и наконец решился произнести:

— Двое наших гостей видели, как Инга, ваша жена, упала в ущелье. Спасатели начали поисковые работы, но, если говорить откровенно, надежды мало.

Солнце по-прежнему слепило, глаза продолжали слезиться. Я прикрыл лицо рукой и не видел, как остался в номере один. Переход от радости к горю был таким резким, таким болезненным, что я почувствовал себя раздавленным.

Тело Инги нашли спустя три дня. В мой номер снова постучали. Что было дальше? Не знаю — на этом месте мой сон неизменно заканчивается. Узнаю ли когда-нибудь? Скорее всего нет. Ведь это только сон, пусть и постоянно повторяющийся.

Я никогда не был на том горнолыжном курорте. И на лыжах кататься не умею. А Инга... В реальной жизни я никогда ее не встречал. У меня нет жены. И никогда не было.

Но эти сны я видел регулярно. Сны о гибели Инги. И после пробуждения я еще долго нахожусь под впечатлением от кошмара. Мне больно и страшно, и не хочется жить. Лежу, не в силах заставить себя подняться, начать новый день — без Инги ничего не имеет смысла. Лежу и терзаю себя воспоминаниями: она улыбается, прячет что-то в карман — мучительно пытаюсь понять, что она спрятала; она поворачивает голову и слегка хмурится — о чем думает в этот момент, что расстраивает ее, нет ли в этом моей вины? Ее взгляд, такой доверчивый, что вынести его невозможно. Потому что я знаю — я предал ее доверие, не уберег, разрешил уходить без меня на эти прогулки. Если бы можно было все повернуть вспять, если бы мне дали возможность исправить ошибку! Меня охватывает отчаяние, а вместе с тем невыразимая нежность, хочется обнять Ингу, крепко-крепко прижать к себе и не отпускать ни на секунду, каждое мгновение ощущать ее присутствие. Моя душа не вынесет разлуки, я не могу без Инги! Мне остается только жить воспоминаниями. Но воспоминания тоже жестоки, потому что я помню Ингу живой, зная при этом, что ее больше нет и никогда уже не будет. Ее ладони прохладные в любую жару, ее

губы теплые в любой холод, ее голос, такой звонкий и радостный...

Инга погибла, одергиваю я себя. Ничего не исправить, пора уже с этим смириться, перестать думать, перестать терзаться.

Инги никогда не было в моей жизни, одергиваю я свое разыгравшееся воображение. Пора вставать, собираться на работу.

Подчиняясь своему приказанию, поднимаюсь с постели. Но воображение так быстро не сдается, и сны не желают меня отпускать. Я стою посреди кухни и не знаю, с чего начать утро. Кофе мне всегда варила Инга. Как же она это делала?

Я никогда не был женат, и кофе варю только сам, с трудом вспоминаю я и ставлю на огонь турку. Легкий, едва уловимый запах духов Инги смешивается с ароматом кофе. Завтракаю, изо всех сил стараясь стряхнуть с себя наваждение, подумав о чем-нибудь простом, не имеющем отношения к вымышленной жене. О том, например, что на обратном пути, возвращаясь с работы, нужно заскочить в магазин, купить хлеба. О том, какая сегодня погода и нужно ли надеть куртку. О том... Но в голове звучит голос Инги: все, о чем я думаю, словно рассказывает мне она. Тогда я делаю над собой страшное волевое усилие — стараюсь вообще ни о чем не думать, в корне душу любую прорывающуюся мысль. Убираю со стола мою чашку в абсолютном мысленном молчании. В молчании

собираюсь на работу, в молчании выхожу из квартиры, направляюсь к остановке...

Институт микробиологии, в котором я работаю, находится на краю света. Добираться приходится полтора часа. Столько времени уходит впустую! Но главное не это: трудно ни о чем не думать во время такого долгого пути. А ведь еще предстоит тяжелый день, без Инги, без всякой надежды встретиться с ней, когда я вернусь с работы. Хватит ли сил это вынести?

Как только добираюсь до института, резко меняю тактику: начинаю говорить, много, оживленно, громко. Весело здороваюсь с коллегами, надеваю халат и бодро прохожу на свое место. То есть играю роль человека, которому не снятся навязчивые сны о том, как погибла его жена, у которого все хорошо: любимая работа, прекрасные перспективы и интересная тема диссертации.

Правда, в последнее время я стал замечать, что коллеги мне совсем не верят и смотрят так, будто я и в самом деле понес тяжелую утрату. Да что там? — я и сам себе скоро перестану верить. Игра моя насквозь фальшива, плохой я актер.

* * *

И вот, наконец, произошла ситуация, что окончательно выбила меня из равновесия. До этого я с невероятными усилиями, но проводил слабую

границу между сном и реальностью. А теперь же совсем не знаю, как относиться к тому, что со мной происходит.

Утром я, как обычно, надел халат и прошел на свое рабочее место. В нашей лаборатории разрабатывается новый иммуностимулятор на растительной основе. Все растения мы выращиваем сами, Татьяна, наша заведующая, «выбила» соседнюю, смежную комнату, где и развела что-то вроде небольшого садика. Благодаря чему у нас всегда запах лета. Раньше мне нравилось, но сегодня запах был чересчур сильным. Я налил в пробирку эфирного масла, поставил на спиртовку, и тут со мной и произошла эта странная вещь. Не знаю, что это было. Может, от тяжелого аромата я потерял сознание?

В голове отчетливо прозвучала фраза, совершенно не связанная с ходом моих мыслей: «Полагать, что клетки головного мозга при длительном кислородном голодании безвозвратно гибнут, — ошибка». Я вздрогнул и чуть не опрокинул спиртовку. Федор, мой сосед по кабинету, покосился на меня, но ничего не сказал. Рассмеявшись над собственной оплошностью нарочито громко и беззаботно — вот, мол, какой растяпа, — я привычно открыл файл, чтобы записывать ход работы, поставил число... Но тут на меня нахлынуло какое-то невероятное счастье. Такого состояния я не испытывал никогда. Это было что-то сродни вдохновению, но несравненно сильнее. Всепогло-

щающее вдохновение, удивительная умственная активность и обострение всех чувств. Я работал как одержимый, ничего не замечая вокруг, торопился записать те странные, невероятные мысли, которые вдруг возникли в моей голове. Я не слышал, как Федор безуспешно пытался до меня докричаться, а потом сам потушил спиртовку, не слышал, как все ушли на обед, как лаборант собирал и мыл пробирки. Я работал, пока не прошло наваждение. Но когда попытался прочитать то, что написал, пришел в ужас. В рабочем файле оказались лишь абсолютно непонятные формулы и пояснения к ним на незнакомом мне языке.

Это сон, просто сон, новый сон, уговаривал я самого себя. Ничего страшного. Сейчас я проснусь, и эта безумная тарабарщина в моем компьютере исчезнет. Но я не просыпался. С обеда стали возвращаться мои коллеги, лаборатория ожила, наполнилась звуками.

— Что это ты тут навалял? — Через плечо мне заглянул Федор. В последнее время он взял манеру говорить со мной этим небрежно-грубоватым тоном — вероятно, решил подыграть, сделать вид, что ничего со мной не происходит, и беседовать, как все остальные — бережно, деликатно, не нужно. — Что это? Боишься, что украдут твои гениальные выкладки, и все зашифровал? Сам-то потом сможешь понять? — Федор издевательски рассмеялся.

И тогда я сделал ужасно бестолковую вещь: резко закрыл файл и нажал на «Delete». Даже не подумав, что в этом файле была не только безумная тарабарщина, но и три месяца моей работы. Я выскочил в соседнюю комнату — в садик, взлеянный заведующей, и закурил. Курить здесь, как и во всем здании, было категорически запрещено. А если меня увидит Татьяна, то просто убьет. Ну и пусть, ну и ладно.

Меня вдруг охватила жуткая обида. На Татьяну, на Федора, а больше всех на Ингу. Хотя она-то уж точно ни при чем, ее и вовсе никогда не существовало. Я пытался понять, что со мной происходит, и не мог найти объяснения. Даже безумием это не назовешь. Потому что, во-первых, безумие не приходит просто так, без всякой причины, а во-вторых, я ведь чувствую, что совершенно здоров, ну мне так кажется. Если не считать постоянно присутствующей боли утраты. Как бы я ни пытался ее заглушить, как бы ни убеждал себя, что могу отвлечься, она всегда при мне. Ноет, как при тупленной анальгетиком сломанная кость, ноет, ноет, а когда действие лекарства кончается, боль накрывает с головой, становится центром, затмевает все остальные чувства. Но ведь не было никакой Инги. Я никого не терял!

Разозлившись уже на самого себя, я раздраженно затушил сигарету об оконное стекло, швырнул окурок на пол и направился обратно в лаборато-

рию. Но тут опять накатило — в голове отчетливо прозвучала фраза: «Клетки мозга не умирают, а видоизменяются, вокруг каждой из них образуется защитная оболочка. Это похоже на глубочайший сон». Я тряхнул головой, но наваждение не прошло, голос продолжал звучать поверх моих мыслей, нет, не поверх, а словно вклиниваясь в них, врезаясь, как торпеда. И вдруг я с ужасом понял, что голос звучит с акцентом. Очень характерным акцентом, подобный я слышал много раз. Вот только не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах. Мягкая, проникновенная гортанность. Какой народ так выговаривает чужие ему русские слова?

— Соловьев! — перекрикивая и голос, и мои мысли, раздалось совсем рядом. — Игорь!

Я вздрогнул и обернулся — заведующая Татьяна смотрела на меня с жалостью и испугом. Потом перевела взгляд на брошенный мною окурок, нагнулась, подняла, брезгливо, двумя пальцами, достала из шкафчика салфетку, тщательно завернула улику моего преступления и положила на подоконник. Все это она проделала совершенно молча. Я, наблюдая за ее манипуляциями, ждал, что вот-вот разразится гроза. Но ничего не произошло. Отряхнув руки, Татьяна подошла ко мне и самым задушевным тоном, на какой только была способна, сказала:

— Послушай, Игорек, ты плохо выглядишь.

По-моему, ты слегка переутомился. Насколько я помню, у тебя от отпуска оставалась неделя. Возьми еще недельку за свой счет и съезди куда-нибудь. Тебе просто необходимо развеесться.

— Уйти в отпуск? — испуганно переспросил я. Татьяна, яростная противница любого отлынивания от работы, будь то больничный или отгул по семейным обстоятельствам, предлагала мне отпуск? Да еще на целых две недели! По-видимому, действительно выгляжу я паршиво. — Я об этом как-то не думал.

— Вот и подумай! — Татьяна опять взглянула на меня с жалостью, но, вдруг спохватившись, что жалостью может обидеть, улыбнулась бодро: — По-моему, неплохая идея.

Действительно, неплохая. Да что там, прекрасная идея. Я так устал от двойной жизни, нет сил больше притворяться, каждый день приезжать на работу и делать вид, что я все тот же, прежний, что не было никакой Инги...

— Пойдем-ка, я тебе помогу, — заботливо проговорила заведующая.

Отпуск мне оформили на удивление быстро, не возникло никаких загвоздок, обычных в таких ситуациях, словно от меня хотели избавиться. Даже стало немного обидно. И я не ощутил никакой отпускной свободы, когда через час после разговора с Татьяной вышел из института. Я вдруг испугался, что теперь, когда у меня поя-

вится столько свободного времени, увязну в воспоминаниях о своей никогда не существовавшей жене окончательно. Потому что единственное мое желание — лечь на диван и вспоминать. Но я не должен ему поддаваться. И пусть сил на борьбу больше не осталось, я просто обязан продолжать бороться. Поэтому сейчас поеду в библиотеку и остаток дня буду работать над своей диссертацией — теоретическая часть у меня что-то прихрамывает. И завтра с самого утра туда отправлюсь, и послезавтра, весь отпуск проведу в библиотеке. Мне не отдых нужен, а полная загрузка мозга. «Перезагрузка», — проговорил чужой голос с акцентом, снова вынырнув из глубин сознания, но я шикнул на него, топнул ногой, как будто прогонял шелудивого пса, привязавшегося на улице, и направился к остановке.

День был такой же солнечный, как тот, в который погибла Инга. Солнце, отражаясь в окнах проезжавшего мимо троллейбуса, ослепило меня, и я вдруг подумал, что если бы мог навещать могилу жены на кладбище, мне было бы легче. Если бы знал, где эта могила, если бы... Я приказал себе не думать, зажмурился, то ли от боли, то ли от слепящего солнца — и явственно представил Ингу, летящую с горы на лыжах.

Подошел мой номер троллейбуса. Народу в салоне было мало. Я сел у окна и сосредоточился на проплывавших мимо улицах, домах, вывесках,